

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ СОВРЕМЕННОГО МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Цыбенова Ольга Аюровна

кандидат филологических наук, доцент, Литературный
институт им. А.М. Горького, (г. Москва)
tabu_olga@mail.ru

THE HISTORY OF STUDYING THE CATEGORY OF TIME IN THE MODERN MONGOLIAN LANGUAGE

O. Tsybenova

Summary: The article presents a systematic analysis of the main approaches to studying the category of time in the Mongolian language, considering cultural and historical aspects. It examines the works of linguists from the 19th to the 21st centuries, which address the specific features of tense forms, moods, and aspects characteristic of the Mongolian language. The main challenges related to the classification of temporal categories are highlighted, and the need for further research is emphasized to develop a widely accepted theory that considers the specificities of temporal relations in agglutinative languages. The findings can contribute to advancing knowledge in the fields of Mongolian studies, comparative linguistics, and grammar theory.

Keywords: temporal categories, Mongolian language, cultural-historical context, calendar systems, agglutinative languages, grammatical forms, modality, aspectuality.

Аннотация: В статье проводится систематизация и анализ основных подходов к исследованию категории времени в монгольском языке с учётом культурно-исторических аспектов. Исследуются труды лингвистов XIX–XXI веков, в которых рассматриваются специфические особенности временных форм, наклонений и аспектов, характерных для монгольского языка. В работе обозначены основные трудности, связанные с классификацией временных категорий, а также подчеркивается необходимость дальнейших исследований для разработки общепринятой теории, учитывающей специфику временных отношений в агглютинативных языках. Полученные результаты могут быть полезны для углубления знаний в области монголистики, сравнительной лингвистики и теории грамматики.

Ключевые слова: временные категории, монгольский язык, культурно-исторический контекст, календарные системы, агглютинативные языки, грамматические формы, модальность, аспектуальность.

Монгольский язык, обладая богатой морфологией и разнообразием форм глаголов, привлёк внимание лингвистов с самого начала научного исследования этого языка. Несмотря на обширные исследования, единой теории грамматического времени в монгольском языке до сих пор не существует, что связано с разногласиями по поводу структуры и количества временных форм. Эти сложности подчёркивают актуальность исследования, так как лингвисты продолжают расходиться во мнениях относительно характеристик временных категорий в монгольском языке. Анализ данной категории способствует систематизации и уточнению знаний о временных формах, что имеет значение для монголистики и сравнительной лингвистики в целом.

Целью данного исследования является изучение развития и особенностей временных значений современного монгольского языка. Исследование сосредоточено на выявлении структурных и функциональных характеристик временных форм, а также на анализе влияния культурных и исторических факторов на их формирование и использование.

Для достижения цели использовались сравнительно-исторический метод, метод описательного анализа и синтеза, а также метод лингвистического моделирова-

ния. Сравнительно-исторический метод позволил проследить эволюцию категории времени в монгольском языке в разных исторических периодах, тогда как описательный анализ и синтез применялись для выявления ключевых особенностей грамматических структур. Лингвистическое моделирование позволило создать обобщённые представления о категориях времени и их роли в грамматике монгольского языка.

Теоретическая значимость нашего исследования состоит в обобщении и систематизации существующих данных о временных категориях монгольского языка. Обзор существующих трудов демонстрирует разнообразие грамматических конструкций для выражения временных отношений и подчеркивает взаимодействие временных и модальных значений. Это помогает уточнить теоретические представления о грамматических категориях времени и аспекта, создать основу для дальнейших исследований в области монголистики и типологии. Практическая значимость нашего исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы для разработки учебных и методических материалов по монгольскому языку, а также для перевода и межкультурной коммуникации. Систематизация данных о временных категориях в монгольском языке также полезна для автоматизированных систем перево-

да, также может служить справочным материалом для преподавателей и студентов, изучающих монгольский язык.

Первоначальные исследования временных форм в монгольском языке восходят к трудам европейских учёных XIX века, таких как О.М. Ковалевский и Г.Дж. Рамстедт. Хотя в их работах основное внимание уделялось морфологии в целом, а не специально категории времени, эти учёные заложили основы для дальнейшего анализа монгольской грамматики и её временных структур. Тем не менее, именно через их описание наклонений и аспектов глагола стало возможно проследить особенности выражения временных отношений в монгольском языке.

Со временем, с развитием лингвистических теорий и методов, исследователи продолжили изучение временных форм в монгольском языке, что позволило глубже понять его специфические особенности. Таким образом, исследование категории времени в монгольском языке демонстрирует, как сложные и многогранные грамматические системы могут по-разному отражать временные отношения, и какие трудности это создает для лингвистики в целом.

И. Шмидт, автор первой грамматики монгольского языка, изданной в 1832 году под названием «Грамматика монгольского языка», предложил детализированную классификацию глагольных наклонений, которая стала основой для последующих исследований в этой области. В разделе, посвящённом глаголу, он выделил 8 наклонений: причастие, деепричастие, неокончателное, изъявительное, условное, сослагательное, желательное и повелительное. Каждое из этих наклонений имеет свою систему временных форм, что отражает сложную структуру временных отношений в монгольском языке. Шмидт отметил, что изъявительное наклонение включает семь времён, среди которых два настоящих, четыре прошедших и одно будущее время. Условное наклонение, по его классификации, содержит четыре времени: два прошедших и два будущих. Сослагательное наклонение включает также четыре времени: одно настоящее, два прошедших и одно будущее. Деепричастие, по его наблюдениям, имеет две формы настоящего времени и одну форму прошедшего времени, тогда как причастие представлено одной формой настоящего и одной формой прошедшего времени. Желательное и неокончателное наклонения, по его мнению, характеризуются наличием одной временной формы [Шмидт, 1832].

Монгольский язык, обладая богатой морфологией и разнообразием форм глаголов, привлек внимание лингвистов с самого начала научного исследования этого языка. Несмотря на обширные исследования, единой теории грамматического времени в монгольском языке

до сих пор не существует, что связано с разногласиями по поводу структуры и количества временных форм. Эти сложности подчёркивают актуальность исследования, так как лингвисты продолжают расходиться во мнениях относительно характеристик временных категорий в монгольском языке. Анализ данной категории способствует систематизации и уточнению знаний о временных формах, что имеет значение для монголистики и сравнительной лингвистики в целом.

Целью данного исследования является изучение развития и особенностей временных значений современного монгольского языка. Исследование сосредоточено на выявлении структурных и функциональных характеристик временных форм, а также на анализе влияния культурных и исторических факторов на их формирование и использование.

Для достижения цели использовались сравнительно-исторический метод, метод описательного анализа и синтеза, а также метод лингвистического моделирования. Сравнительно-исторический метод позволил проследить эволюцию категории времени в монгольском языке в разных исторических периодах, тогда как описательный анализ и синтез применялись для выявления ключевых особенностей грамматических структур. Лингвистическое моделирование позволило создать обобщённые представления о категориях времени и их роли в грамматике монгольского языка.

Теоретическая значимость нашего исследования состоит в обобщении и систематизации существующих данных о временных категориях монгольского языка. Обзор существующих трудов демонстрирует разнообразие грамматических конструкций для выражения временных отношений и подчёркивает взаимодействие временных и модальных значений. Это помогает уточнить теоретические представления о грамматических категориях времени и аспекта, создать основу для дальнейших исследований в области монголистики и типологии. Практическая значимость нашего исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы для разработки учебных и методических материалов по монгольскому языку, а также для перевода и межкультурной коммуникации. Систематизация данных о временных категориях в монгольском языке также полезна для автоматизированных систем перевода, также может служить справочным материалом для преподавателей и студентов, изучающих монгольский язык.

Первоначальные исследования временных форм в монгольском языке восходят к трудам европейских учёных XIX века, таких как О.М. Ковалевский и Г.Дж. Рамстедт. Хотя в их работах основное внимание уделялось морфологии в целом, а не специально категории време-

ни, эти учёные заложили основы для дальнейшего анализа монгольской грамматики и её временных структур. Тем не менее, именно через их описание наклонений и аспектов глагола стало возможно проследить особенности выражения временных отношений в монгольском языке.

Со временем, с развитием лингвистических теорий и методов, исследователи продолжили изучение временных форм в монгольском языке, что позволило глубже понять его специфические особенности. Таким образом, исследование категории времени в монгольском языке демонстрирует, как сложные и многогранные грамматические системы могут по-разному отражать временные отношения, и какие трудности это создает для лингвистики в целом.

И. Шмидт, автор первой грамматики монгольского языка, изданной в 1832 году под названием «Грамматика монгольского языка», предложил детализированную классификацию глагольных наклонений, которая стала основой для последующих исследований в этой области. В разделе, посвящённом глаголу, он выделил 8 наклонений: причастие, деепричастие, неокончателное, изъявительное, условное, сослагательное, желательное и повелительное. Каждое из этих наклонений имеет свою систему временных форм, что отражает сложную структуру временных отношений в монгольском языке. Шмидт отметил, что изъявительное наклонение включает семь времён, среди которых два настоящих, четыре прошедших и одно будущее время. Условное наклонение, по его классификации, содержит четыре времени: два прошедших и два будущих. Сослагательное наклонение включает также четыре времени: одно настоящее, два прошедших и одно будущее. Деепричастие, по его наблюдениям, имеет две формы настоящего времени и одну форму прошедшего времени, тогда как причастие представлено одной формой настоящего и одной формой прошедшего времени. Желательное и неокончателное наклонения, по его мнению, характеризуются наличием одной временной формы [Шмидт, 1832].

В своей работе «Краткая грамматика монгольского книжного языка», изданной в 1835 году, О.М. Ковалевский детально описывает глагольную систему монгольского языка, уделяя особое внимание наклонениям и временным формам. Согласно его анализу, глаголы в монгольском языке подразделяются на пять наклонений и три основных времени: настоящее, будущее и прошедшее. Ковалевский подробно классифицирует прошедшее время, разделяя его на несовершенное, совершенное и давнопрошедшее, что отражает богатство аспектуальной системы языка. В изъявительном наклонении выделяются многочисленные временные формы, такие как настоящее время, настоящее определённо-времени (выражаемое при помощи деепричастия и

вспомогательного глагола), многократное настоящее время, прошедшее несовершенное и давнопрошедшее время, а также будущее время.

Условное наклонение также представлено несколькими временными формами: прошедшее несовершенное время, давнопрошедшее и будущее время. Особенно монгольского языка является наличие неокончателного наклонения, которое включает в себя прошедшее и будущее время. Это указывает на сложную систему временных отношений в языке, где временные категории могут пересекаться с модальными значениями.

В разговорном и книжном языках наблюдаются специфические временные наращения, такие как *-на*, *-нэ* для настоящего времени, особенно в решительных или эмфатических выражениях. Ковалевский также отмечает, что в изъявительном и желательном наклонениях в первом лице используются одинаковые наращения, например, *-я*, *-е* (*явъя* – пойдём, *бичье* – станем писать), что демонстрирует тесную связь между временными и модальными значениями в монгольском языке. Кроме того, причастия и деепричастия рассматриваются им как отглагольные части речи, которые имеют показатель времени. Причастия бывают настоящего и прошедшего времени, а деепричастия – настоящего и прошедшего времени, что дополняет общую картину временной системы языка. Эти наблюдения Ковалевского остаются значимыми для понимания особенностей монгольской грамматики и её временных структур [Ковалевский, 1835, с.112-193].

А.А. Бобровников, как и его предшественники, в своих исследованиях разделяет глаголы на простые и сложные формы, что отражает традиционную классификацию в морфологии монгольского языка. Простые формы глаголов подразделяются на окончательные и неокончателные формы, что позволяет разграничить различные семантические и синтаксические функции глаголов. Окончателные формы простых глаголов, в свою очередь, делятся на повелительное, побудительное, описательное и повествовательное наклонения. Например, в побудительном наклонении присутствует форма известного будущего времени, а в повествовательном наклонении выделяются три формы прошедшего времени: *-в* (последовательная), *-лаа* (достоверная или ранее известная), *-жээ* (нечаянная). Эти формы прошедшего времени показывают не только временную последовательность, но и модальные оттенки действия, что вносит важный аспект в понимание временных категорий в монгольском языке. Кроме того, Бобровников обращает внимание на то, что сложные времена в монгольском языке формируются через сочетание простых форм спрягаемого глагола с вспомогательными глаголами. Эти сложные и многосложные формы времени обладают гибкостью и могут быть составлены произвольно, что

указывает на неопределенное количество возможных комбинаций. Таким образом, его исследования подчеркивают как структурное, так и функциональное разнообразие временных форм в монгольском языке [Бобровников, 1849].

После периода дореволюционных исследований, когда изучение категории времени в монгольских языках носило преимущественно описательный и эмпирический характер, в советский период исследователи начали более систематическое и глубокое изучение этой темы. В советское время с развитием лингвистической теории и доступом к новым методам исследования, учёные смогли более детально и комплексно рассмотреть временные категории в монгольских языках. Одним из наиболее значимых вкладов в эту область стали исследования Санжеева Г.Д., который внёс важные коррективы в понимание временных форм и их взаимодействия с модальными значениями. Санжеев Г.Д. не только обобщил и уточнил результаты предшественников, но и предложил новый подход к анализу временных форм, что стало значительным шагом вперёд в монголиктике. Он утверждает, что традиционно в монгольских языках выделяются три времени: настоящее, прошедшее и будущее. Однако Санжеев Г.Д. указывает на сложность точного определения этих категорий, поскольку временные формы монгольских глаголов часто зависят от контекста и не всегда имеют прямые аналоги в других языках. Он выделяет несколько аспектов в употреблении глагольных форм:

1. Повелительно-желательные формы всегда ориентированы на будущее время;
2. Изъявительные формы обладают точной временной локализацией, независимо от контекста, хотя могут одновременно выражать действия как настоящего, так и прошедшего времени;
3. Деепричастия обычно не зависят от момента речи, но их временная характеристика связана с действиями, выраженными последующими глаголами.
4. Причастия различаются в зависимости от их синтаксической функции. Временная локализация таких форм часто определяется не напрямую, а через вспомогательные глаголы или связки [Санжеев, 1953, с. 72–73].

Г.Д. Санжеев также указывает на наличие сложных временных форм (прошедшее в будущем, прошедшее в настоящем, прошедшее в прошедшем, будущее в будущем, будущее в настоящем, будущее в прошедшем, настоящее в будущем, настоящее в настоящем, настоящее в прошедшем, настоящее многократное в прошедшем) [Санжеев, там же с.80-81], которые выражаются через сочетание причастий с вспомогательными глаголами или связками, что создаёт дополнительную сложность в анализе временных категорий монгольских языков. Кроме того, исследователь отмечает значительное влияние мо-

дальных оттенков на значение глагольных форм, что усложняет разделение временных и модальных значений. Он также подчёркивает, что спектр аналитических форм причастий в монгольских языках не ограничивается только теми, которые были представлены в его исследованиях. Для полноценного ответа на вопросы о природе временных категорий монгольских языков, по его мнению, требуется более глубокое исследование не только самих глагольных форм, но и их исторической эволюции и синтаксических особенностей.

Исследования Санжеева Г.Д. заложили основу для более глубокого понимания временных и модальных категорий в монгольских языках. Его работы подчеркнули сложность и разнообразие глагольных форм, особенно в отношении их временной и модальной дифференциации. Дальнейшее развитие монголиктики требовало более детального анализа конкретных грамматических явлений, что привело к новым исследованиям, направленным на уточнение и расширение знаний о глагольной системе монгольского языка.

Одной из таких важных исследований стала работа Шеверниной Н.М. «Аналитические глагольные формы в современном монгольском языке». Н.М. Шевернина сосредоточилась на аналитических конструкциях, которые, как выяснилось, играют ключевую роль в передаче временных, видовых и модальных значений в монгольском языке. Если Санжеев Г.Д. акцентировал внимание на многообразии и особенностях монгольских глагольных форм, то Шевернина Н.М. углубила это понимание, исследуя конкретные механизмы, через которые эти значения выражаются в языке.

Н.М. Шевернина отмечает, что аналитические формы в современном монгольском языке играют ключевую роль в выражении не только временных, но и модальных значений, что существенно расширяет возможности передачи нюансов действия в речи. Но при этом строго разграничивает сложные глагольные формы и формы сложных времен. Сложные глагольные формы в монгольском языке, по её мнению, представляют собой сочетание глаголов с различными вспомогательными глаголами, что позволяет создавать разнообразные значения, включая не только временные, но и модальные оттенки. Например, аналитические формы длительного вида в монгольском языке, которые состоят из соединительного деепричастия и глагола *бай* в различных временных формах (*-на, -в, -лаа, -жээ/чээ*) выражают не только временные значения, но и характеризуют процессуальность и длительность действия. Это означает, что действие описывается как продолжающееся или незавершённое. Аналитическая форма глагола, таким образом, становится видовым дублетом для простой формы, расширяя функциональные возможности последней и придавая ей значение

длительности. Например:

Таблица 1.

простая форма глагола	формы длительного времени
сууна	сууж байна – настоящее-будущее время
суув	сууж байв – прошедшее время
суулаа	сууж байлаа – прошедшее время
суужээ	сууж байжээ – прошедшее время

Из данного примера видно, что глагол *бай* играет ключевую роль в этом процессе, функционируя как универсальный элемент, способный сочетаться с другими глаголами для передачи длительности действия. Так, по Шверниной, формы настоящего будущего длительного времени имеют следующие временные значения: конкретно настоящее время *Хүүхдүүд ангидаа сууж байна* (Дети сидят в своем классе), настоящее расширенное время *Монголд 13248 хятад иргэн оршин сууж байна* (В Монголии проживают 13 248 граждан Китая), настоящее будущее время в прошедшем времени *Дорж, миний бие сайн, сайн сууж байна* гэж ээждээ бичиг бичжээ (Дорж написал матери, что он в порядке, живет хорошо).

Интересной является точка зрения Шверниной относительно форм прошедшего времени длительного вида (*байв, байлаа, байжээ*). Эти формы, по её мнению, не только передают временное значение, но и акцентируют внимание на процессе и протяженности действия в прошлом, не указывая на его завершенность. Данные формы добавляют повествованию описательный и образительный характер, способствуя детальному изображению действия в его непрерывности, что отличает их от более динамичных простых форм прошедшего времени. Отметим, что данные наблюдения предоставляют основу для дальнейших научных исследований, направленных на глубокое изучение особенностей функционирования форм прошедшего времени длительного вида в монгольском языке.

Ключевое различие между сложными глагольными формами (длительного времени) и формами сложных времен заключается в том, что сложные глагольные формы выражают процесс и продолжительность действия, в то время как формы сложного времени выражают сложные временные отношения, часто связанные с сочетанием различных временных значений. Например, прошедшее в прошедшем, прошедшее в будущем, «каждое из этих значений определяется контекстом» [Швернина, 1958, с.96]. Эти формы могут указывать на последовательность действий, где одно действие предшествует другому. Сложные временные формы, по замечанию Шверниной, часто состоят из нескольких временных маркеров или комбинаций, которые создают сложные временные значения. Данные формы представляют собой грамматические конструкции, включающие сочетания

временных, модальных и аспектуальных значений. Они могут включать причастия прошедшего или будущего времени, соединённые с глаголами прошедшего времени или с глаголом *бай*, и выражают не только время действия, но и его модальность (например, возможность, необходимость) и аспект (завершённость, продолжительность действия). Таким образом, формы сложных времен не просто обозначают хронологическое положение действия, также демонстрируют его сложное взаимодействие с модальными и аспектуальными характеристиками.

Н.М. Швернина также подчеркивает, что количество форм сложного времени намного больше, чем было рассмотрено в её статье. Это указывает на богатство и сложность временной системы в монгольском языке, где взаимодействие временных, модальных и аспектуальных значений порождает множество грамматических конструкций [Швернина, 1958, с. 82–100].

Продолжая идеи Шверниной о значимости форм прошедшего времени длительного вида, которые акцентируют внимание на процессе и протяженности действия, важно рассмотреть взгляды других исследователей. Например, еще Бобровников А.А связывал использование данных форм с ожиданиями и восприятием слушающего: *-лаа*⁴ используется, когда говорящий напоминает о событии, уже известном слушающему, *-в* указывает на завершенное в прошлом действие, предшествовавшее моменту речи или другому событию), а также с характером и необычностью событий (*-жээ/-чээ*) [Бобровников, 1849, с.346-368]. Санжеев Г.Д. также отмечал, что различие между формами прошедшего времени не всегда очевидно, так как историческое развитие глагольных форм в монгольских языках сопровождалось сложным взаимодействием временных и модальных значений, и завершилось по-разному в различных жанровых сферах, таких как фольклор, устная речь, публицистика и деловая документация [Санжеев, 1962, с. 189]. Монгольские ученые также внесли вклад в эту дискуссию. Профессор Лувсанвандан Ш. утверждает, что в современном монгольском языке аффиксы *-лаа*⁴ выражают «теперь законченное действие», *-в* – прошедшее продолженное действие, *- жээ/-чээ* – «прошедшее законченное действие», объединяя эти формы в общую категорию прошедшего времени [Лувсанвандан, 1956, с. 87]. Также заслуживает внимания мнение Мишиг Л., который утверждает, что грамматические формы *-жээ/-чээ* используются для обозначения неочевидного или неизвестного прошлого, *-лаа*⁴ для передачи действия, завершившегося непосредственно перед моментом речи, а *-в* для описания действия, произошедшего в прошлом. Однако, в отличие от своих предшественников, он утверждает, что аффикс *-лаа*⁴ может использоваться и в настоящем, и в будущем времени: *Багш одоо ирлээ* (Учитель сейчас пришел) и *Би дэлгүүр явлаа. Чи мах за-*

хих уу? [Мишиг, 1978, с.119-126]. В данных примерах акцент делается не столько на время действия, сколько на его завершенность или состояние в момент речи. В этом контексте *-лаа*⁴ может указывать на завершенность действия вне зависимости от его временной ориентации. В первом предложении присутствует маркер времени *одоо*, который подкрепляет использование аффикса *-лаа*⁴ для обозначения завершенного действия в настоящем времени. Это показывает, что маркеры времени играют важную роль в определении временной интерпретации аффикса *-лаа*⁴, особенно когда речь идет о настоящем времени. Во втором предложении глагол *захих* стоит в форме будущего времени, что вносит дополнительные оттенки смысла. Аффикс *-лаа*⁴ в данном контексте указывает на действие, которое вот-вот начнется, а не завершится. Это еще раз подчеркивает его временную гибкость и возможность использования для выражения действий, которые близки к настоящему или будущему. Примеры подчеркивают важность контекста в определении временной интерпретации аффикса *-лаа*⁴. В зависимости от контекста (наличие маркеров времени, форма других глаголов), аффикс может интерпретироваться как указывающий на действия в настоящем, будущем или прошедшем времени. Это демонстрирует сложность и многообразие функций этого аффикса.

Из вышеизложенного видно, что вокруг аффиксов прошедшего времени в монгольском языке существует значительное количество дискуссий. Эти обсуждения касаются не только значений самих аффиксов, но и их употребления в различных контекстах.

В своем раннем исследовании мы также предложили свою точку зрения относительно этих аффиксов через призму категории известности/неизвестности. В нашей концепции эта категория связана с тем, насколько событие или действие известно или неизвестно говорящему и слушателю. Это касается не только временной локализации действия, но и его восприятия в контексте информации, которой обладают участники коммуникации. Известное время – это время, которое точно определено и понятно для всех участников разговора, тогда как неизвестное время может быть неопределенным или оставаться скрытым. Так, аффиксы *-лаа*⁴ чаще употребляются, когда говорящий предполагает, что действие уже известно собеседнику, тогда как формы *-жээ/-чээ* указывают на неожиданность или новизну информации для слушающего. Форма прошедшего времени на *-в* фиксирует завершение действия в прошлом, не указывая на его известность или неизвестность, что делает её нейтральной среди других форм [Цыбенова, 2022].

Обсуждение темпоральных категорий в монгольском языке продолжается, и исследования в этой области становятся более системными и интегративными. Категория времени в языке может рассматриваться с различ-

ных позиций. Григорян А.С. фокусируется на категории временной определенности /неопределенности как сложной и многоуровневой системе, в которой грамматическое время взаимодействует с более широкими понятийными категориями, такими как темпоральность, длительность и временная локализованность. Временная определенность и неопределенность выражаются через разнообразные языковые средства (морфологические, синтаксические и лексические), которые формируют полицентричную структуру, способную охватывать широкий спектр временных отношений и степени точности временной локализации. Эта многослойная структура позволяет языку гибко передавать как определенные, так и неопределенные временные ориентации, что подчеркивает взаимодействие различных семантических полей в выражении времени [Григорян, 2001].

В научной статье Толта Ж. «Обстоятельственные обороты в монгольском языке» проводится глубокий анализ различных типов обстоятельственных оборотов времени, присущих монгольскому языку. Толт делит обстоятельственные обороты времени на три основные группы: предшествующие, одновременные и предстоящие, что позволяет четко различать временные отношения между зависимыми и главными действиями в предложениях. Исследование Толта демонстрирует богатство и сложность монгольских временных конструкций, подчеркивая их важность для точного выражения временных отношений между действиями в предложении [Тот, 2015].

В предыдущих разделах статьи рассматривались труды лингвистов, анализировавших временные категории в монгольском языке с акцентом на грамматические аспекты выражения времени. Однако понимание времени в монгольском языке не ограничивается лишь грамматикой. Важную роль играет также культурно-исторический контекст, который отражает восприятие и структурирование времени в традиционном монгольском обществе. В этом отношении особо ценным является исследование, проведенное Жуковской Н.Л., которая в своей работе «Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика» раскрывает восприятие времени монголами через призму мифологических, исторических и бытовых аспектов, подробно описывает, как различные временные категории отражают особенности кочевого образа жизни и взаимодействия с природой.

Данное исследование углубляет понимание влияния культурных и хозяйственных условий на восприятие времени в монгольском обществе. Такой подход дополняет лингвистические исследования, показывая, что временные категории монгольского языка тесно связаны с календарными системами, отражающими специфику кочевого образа жизни. Например, традиционный календарь, ориентированный на сезоны, не имел цели

линейного отсчёта времени, тогда как позднее введённые циклические календари способствовали формированию исторического времени. Таким образом, работа Н.Л. Жуковской раскрывает, как временные категории монгольского языка интегрированы в культурные и хозяйственные реалии общества, что, в свою очередь, обогащает наше понимание этой темы.

Учитывая вышеизложенное, данное исследование систематизирует основные подходы к изучению категории времени в монгольском языке, освещая как лингвистические, так и культурные аспекты этой сложной темы. Проведённый анализ демонстрирует богатство временных форм, присущих монгольскому языку, и их взаимодействие с аспектами и модальностью, что придаёт выражению времени в монгольском языке уникальные черты. Несмотря на значительные достижения, до сих пор отсутствует единое мнение относительно количества и классификации временных категорий, что затрудняет создание согласованной теории временных форм. Разногласия среди лингвистов подтверждают необходимость дальнейших исследований, направленных на разработку более комплексных методов анализа. Важным аспектом является влияние культурных и хозяйственных факторов на восприятие времени, что подчёркивает значимость

традиционных календарных систем, связанных с кочевым образом жизни. Эти культурные особенности делают временные категории монгольского языка неразрывно связанными с историческими реалиями. Исследование также подчёркивает практическое значение изучения временных категорий, что полезно для создания учебных материалов, перевода и межкультурной коммуникации.

Одним из перспективных направлений в дальнейших исследованиях временных категорий монгольского языка является создание единой классификации временных категорий, которая будет учитывать их взаимодействие с аспектуальностью и модальностью. Временные формы монгольского языка тесно связаны с аспектом действия (продолжительность, завершённость) и его модальностью (реальность, вероятность). Категория известности/неизвестности открывает перспективы для дальнейшего анализа того, как монгольский язык кодирует информацию о событиях и их восприятии участниками коммуникации. Это направление может быть полезно для изучения когнитивных механизмов, лежащих в основе выбора той или иной временной формы. Дальнейшие исследования могут углубить понимание этих взаимодействий, что позволит создать более целостную и комплексную теорию временных категорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобровников А.А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Университ. Тип., 1849. 412 с.
2. Григорян А.С. Категория определенности/неопределенности в монгольских языках: Дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2001. 190 с.
3. Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. Москва: Восточная литература, 2002. 248 с.
4. Ковалевский О.М. Краткая грамматика монгольского книжного языка, составленная Осипом Ковалевским, адъюнктом-профессором монгольского языка при Казанском университете. – Казань: Унив. Тип., 1835. 203 с.
5. Лувсанвандан Ш. Монгол хэлний зүйн сурах бичиг. Уб., 1956. 190 х.
6. Мишиг Л. Орчин цагийн монгол бичгийн хэлний дадлага хэл зүй. Уб., 1978. 262 х.
7. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 239 с.
8. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. Москва, 1962. 269 с.
9. Тот Ж. Обстоятельственные обороты в монгольском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2015. Т. 11, № 3. – С. 471–500
10. Цыбенкова О.А. Грамматические средства выражения глагольного времени в современном монгольском языке / О.А. Цыбенкова // Мир науки, культуры, образования. 2022, № 3(94). С. 307–310
11. Шевернина З.В. Аналитические глагольные формы в современном монгольском языке // Филология и история монгольских народов. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. С. 82–100.
12. Шмидт Я.И. Грамматика монгольского языка: Пер. с нем. / Соч. Я. Шмидтом, д-ром философии, Акад. Наук в Санктпетербурге и азиат. О-в в Париже и Лондоне членом и пр. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. Наук, 1832. 184 с.

© Цыбенкова Ольга Аюровна (tabu_olga@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»